

ДНЕВНИК КАРАТЕЛЯ

Эрих фон дем Бах-Зелевский

**Дмитрий Александрович Жуков
Иван Иванович Ковтун
Дневник карателя. Эрих
фон дем Бах-Зелевский**

Издательский E PUB

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64957457

Дневник карателя. Эрих фон дем Бах-Зелевский: Вече; М.; 2021

ISBN 978-5-4484-8657-9

Аннотация

Дневник, который впервые переведен и публикуется полностью, вышел из-под пера обергруппенфюрера СС, начальника соединений по «борьбе с бандами», приближенного Гиммлера. Бах-Зелевский лично отвечал за карательные операции и этнические чистки на оккупированных Восточных территориях, участвовал в создании Освенцима и в подавлении Варшавского восстания.

С неподражаемым цинизмом он описывает истребление гражданского населения Советского Союза и Польши, считая себя «спасителем тысяч женщин и детей», гуманистом и человеком чести. Дьявольская изворотливость помогла Бах-Зелевскому избежать петли. На Нюрнбергском трибунале, где он выступил свидетелем обвинения, взвалив всю вину на других военных преступников.

Самое интригующее – что именно Бах-Зелевскому удалось скрыть от правосудия – вы узнаете из предисловия ведущих отечественных военных историков. Их обстоятельное расследование проливает новый свет на чудовищные преступления нацистов в годы Второй мировой войны.

Содержание

Список сокращений	6
«Мужчина, пахнувший могилою»[1]	9
Предисловие	9
I. Происхождение и молодые годы	14
II. Гвардеец фюрера	23
III. Убийца евреев	37
IV. «Специалист по борьбе с бандами»	63
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Д.А. Жуков, И.И. Ковтун **Дневник карателя. Эрих** **фон дем Бах-Зелевский**

© Жуков Д.А., Ковтун И.И., составление, предисловие,
2021

© Ковтун И.И., перевод, 2021

© ООО «Издательство «Вече», 2021

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

Сайт издательства www.veche.ru

Список сокращений

АК – Армия Крайова

БССР – Белорусская Советская Социалистическая Республика

ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (больше-
виков)

ВС КОНР – Вооруженные силы Комитета освобождения
народов России

ГРУ ГШ РККА – Главное разведывательное управление
Генерального штаба Рабоче-крестьянской Красной Армии

КОНР – Комитет освобождения народов России

КП(б)У – Коммунистическая партия (больше-
виков) Украины

МВД СССР – Министерство внутренних дел СССР

МГБ СССР – Министерство государственной безопасно-
сти СССР

НКВД СССР – Народный комиссариат внутренних дел
СССР

НКГБ СССР – Народный комиссариат государственной
безопасности СССР

НСДАП – Национал-социалистическая рабочая партия
Германии

НСКК – Национал-социалистический автомобильный
корпус

НСПР – Народно-социалистическая партия России

ОКВ – Высшее командование вермахта

ОКХ – Высшее командование сухопутных сил

РАД – Имперская трудовая служба

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории

РККА – Рабоче-крестьянская Красная Армия

РКФ – Имперский комиссариат по укреплению германской народности

РОНА – Русская освободительная народная армия

РСХА – Главное управление имперской безопасности

РуСХА – Главное управление расы и поселений

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

СА – штурмовые отряды

СД – Служба безопасности охранных отрядов

СМЕРШ – Управление контрразведки «Смерть шпионам»

СС – охранные отряды НСДАП

УССР – Украинская Советская Социалистическая Республика

ФРГ – Федеративная Республика Германия

ЦАМО РФ – Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации

ЦДНИСО – Центр документации новейшей истории Смоленской области

ЦШПД – Центральный штаб партизанского движения

Archiv Institut für Zeitgeschichte (IfZ), München – Архив
института современной истории, Мюнхен

Bundesarchiv Berlin-Lichterfelde (BAB) – Федеральный архив
Берлин-Лихтерфельде

Bundesarchiv – Außenstelle Ludwigsburg (BAL) – Федеральный архив в Людвигсбурге

Bundesarchiv – Militärarchiv (BA-MA), Freiburg im Breisgau – Федеральный военный архив во Фрайбурге-на-Брейсгау

Harvard Project on the Soviet Social System (HPSSS) – Гарвардский проект опроса беженцев о советской социальной системе

National Archives of the United States, Washington D.C. (NARA) – Национальный архив США

«Мужчина, пахнувший могилою»¹

Предисловие

Эрих фон дем Бах-Зелевский принадлежит к плеяде наиболее характерных персонажей «Коричневой империи». Он был вовлечен в самые чудовищные нацистские преступления, начиная от создания крупнейшей «фабрики смерти» Освенцима и заканчивая массовыми убийствами гражданского населения на оккупированных территориях Советского Союза. Будучи обергруппенфюрером СС и начальником соединений по борьбе с бандами, Бах, наделенный огромными полномочиями, отвечал за уничтожение партизан не только в захваченных областях СССР, но и во всей Европе, принимая участие в планировании и проведении масштабных антипартизанских операций, которые сопровождались многочисленными злодеяниями. Своеобразным пиком его карьеры стало подавление в августе – октябре 1944 г. восстания в Варшаве. За 63 дня ожесточенных боев в разрушенной польской столице и ее окрестностях были убиты – по далеко не полным данным – более 180 тысяч местных жителей и депортированы в Рейх свыше полумиллиона человек¹.

¹ Строка из поэмы Александра Введенского «Кругом возможно Бог».

Казалось, после войны Бах-Зелевский, как один из главных проводников истребительной политики на Востоке, должен был бы понести самое суровое наказание. Однако судьба безжалостного карателя сложилась иначе. Бах, заключив сделку с американскими оккупационными и судебными властями, оказался не на скамье подсудимых, а свидетелем обвинения со стороны США на Международном военном трибунале в Нюрнберге, где дал весьма важные показания, разоблачающие нацистское мировоззрение, планы убийства миллионов беззащитных людей и участие в этом Верховного командования вермахта. В последующем он неоднократно привлекался к другим процессам против высокопоставленных руководителей гитлеровской Германии, добился освобождения, но, спустя несколько лет, вновь предстал перед Нюрнбергским судом, приговорившим его в 1962 г. к пожизненному заключению. Свой земной путь генерал-убийца закончил 8 марта 1972 г. в мюнхенской больнице для заключенных в Гарлагинге.

Личность Баха-Зелевского давно привлекает к себе внимание историков. За последние шестьдесят лет вышло немало научных публикаций², посвященных его персоне. Однако нельзя сказать, что специалистам удалось выработать единую точку зрения на эту фигуру. Как справедливо отмечает исследователь М. Барелковский, «до сих пор нет серьезной биографии Баха, а есть лишь несколько небольших работ о нем, которые в основном охватывают отдельные этапы жиз-

ни» и «повторяют ошибочные суждения»³.

В самом деле, о Бахе известно далеко не все. Даже на фоне равных ему по званию палачей его фигура стоит несколько особняком. Данные о нем порой весьма фрагментарны. Некоторые сведения и вовсе следует отнести к разряду мифологем, так как их содержание противоречит информации из документальных источников. Кроме того, большинство мифов, окружающих его личность, возникло в послевоенный период, когда он стремился всеми правдами и неправдами сохранить свою жизнь. Не гнушался Бах прибегать и к откровенной лжи, если видел в этом возможность уйти от неприятных вопросов.

Не менее сложной является проблема исследования военного дневника генерала СС, вокруг которого продолжаются дискуссии историков. Появление этих записей относится к началу 1950-х гг., когда Эрих фон дем Бах-Зелевский проходил процесс денацификации и пытался «вернуть себе доброе имя». Отсюда – распространенное мнение, согласно которому Бах внес в свои записи военной поры известные коррективы. Дневник, по его мнению, должен был доказать то, что еще во время войны он находился в рядах оппозиции и там, где это было возможно, старался противодействовать высшему нацистскому руководству. Немецкие юридические органы, надо сказать, признали эти записки аутентичными. Изначально Баха приговорили к 10 годам принудительных работ в лагере, лишению всего имущества и 10-процентному

вычету из его доходов для репараций. Впрочем, несколько месяцев спустя, после кассации в вышестоящие инстанции, приговор удалось изменить. Апелляционная палата, учитывая бедственное положение семьи осужденного (жена была полностью парализована, а четверо из шести детей еще не достигли совершеннолетнего возраста) и пятилетний срок, проведенный им под стражей, отпустила его на свободу.

Возникает вопрос: помог ли дневник своему хозяину?

Уже в тот период юристы, успевшие ознакомиться с фрагментами журнала начальника соединений по борьбе с бандами, пришли к однозначному выводу, что фон дем Бах не имел никакого отношения к оппозиции и, в любом случае, несет ответственность за преступления частей СС в захваченных областях Белоруссии и Польши. Но представители западногерманской Фемиды отказались инициировать новый процесс, который, без сомнения, был бы долгим и требующим крайне серьезных процедур. Связываться с таким делом тогда мало кто хотел. Суды ФРГ начала 1950-х гг., как правило, не проявляли особого рвения в преследовании вчерашних хозяев страны и судили только тех преступников, которые были отданы в их руки с неопровержимыми доказательствами.

Тем не менее очередное столкновение с судебной системой не прошло для Баха-Зелевского даром. Он, видимо, понял, что допустил грубую ошибку, предоставив суду свои личные записки⁴. Бах изготовил машинописную копию и от-

правил ее в 1953 г. в Федеральный архив в Кобленце. В тот же архив в 1955 г. поступил на хранение плохо сохранившийся подлинник второй части журнала за период с мая 1943 г. по январь 1945 г. Куда делась первая оригинальная часть ежедневника – с июня 1941 г. по ноябрь 1942 г., – неизвестно до настоящего времени⁵.

Немецкий историк К. Герлах не исключает того, что «Бах уничтожил первую часть оригинала»⁶. Почему он мог пойти на этот шаг, догадаться, в принципе, несложно. Во время начальной фазы войны против СССР силы полиции порядка, войск СС и оперативные команды полиции безопасности и СД кровавым ураганом пронесли по советской земле, совершив огромное количество преступлений. Бах, назначенный в мае 1941 г. на должность высшего фюрера СС и полиции в Центральной России, руководил их действиями. Отразил ли он эти факты, а также многие другие события, имеющие отношение к войне на уничтожение, в оригинальной первой части дневника? Вопрос остается открытым...

Чтобы разобраться с тем, какую роль играл военный журнал в судьбе Баха и какое значение он имеет для понимания его личности, следует обратиться к биографии автора, привлекая для объективной реконструкции доступные на сегодняшний день источники и научные материалы.

I. Происхождение и молодые годы

Эрих Юлиус Эберхард фон Зелевский родился 1 марта 1899 г. в померанском городе Лауэнбурге (сегодня – Лемборк)⁷. Он происходил из обедневшего дворянского рода с глубокими немецко-польскими корнями. Отец Эриха, католик Отто-Иоганн фон Зелевский (1859–1911), служил чиновником при управлении снабжения, а затем торговым агентом, получая скромное жалование – около ста марок в месяц. Матушка будущего гонителя западных и восточных славян, Амалия Мария Эвелина, урожденная Шиманская (1862–1935), была полькой, но по вере принадлежала к евангелической церкви. Эвелина была образованна, давала уроки игры на фортепьяно, однако главная ее обязанность заключалась в воспитании семерых детей – трех мальчиков и четырех девочек. Отец часто находился в затруднительном материальном положении. Денег едва хватало. Последнее обстоятельство не позволило Отто фон Зелевскому владеть унаследованным рыцарским именем⁸.

Когда Эриху исполнилось десять лет, его отец умер от ревматизма. Из-за отсутствия наследства детей распределили по приемным семьям. Баха принял его дядя – Оскар фон Зелевский, владелец имения в Требниге (Силезия). Эрих приходился племянником Эмилю фон Зелевскому – офицеру ко-

лониальных войск в германской Восточной Африке, который в 1891 г. погиб близ города Иринги, подавляя восстание народности вахехе⁹.

В двенадцать лет Бах окончил начальную школу в Бяла (Восточная Пруссия), после чего его перевели в гимназию Нойштадта (Западная Пруссия). В последующем он не раз менял учебные заведения. Чем были вызваны эти перемещения, не ясно. Известно только то, что, отучившись какое-то время в гимназиях Страсбурга и Конитца (Западная Пруссия), он получил аттестат об успешном окончании средней школы. Много лет спустя, находясь уже в американском плену, Бах мельком вспомнил школьные годы. По его словам, он был хорошим учеником, но никогда не чувствовал стремления продолжать учиться. На этом его официальное образование закончилось¹⁰.

Летом 1914 г. Эрих приехал на каникулы в Бяла (в 1938–1945 гг. – Геленбург). Отчий дом был для него раем, где он восстанавливал силы. Но неожиданно мирное течение жизни прервала война. События августа 1914 г., как не преминул заметить Бах в своей биографии для совета по денацификации в 1951 г., оставили в его душе незаживающую рану. Все, чем он жил, перестало существовать: «Я видел, как горит дом моих родителей, моя мать стояла на коленях перед казаками и молила о жизни своих детей»¹¹.

Насколько эти слова соответствуют действительности,

установить невозможно. Но то, что Бах своими глазами видел последствия военных действий, сомнений не вызывает. Он присоединился к отступающим немецким войскам и просил зачислить его в армейскую часть. К удивлению многих, прошение 15-летнего подростка, рослого и крепко сложенного, удовлетворили. Его откомандировали на 1-й сборно-учебный пункт 176-го пехотного полка. Так Эрих стал одним из самых молодых солдат Германской империи¹².

Информация об участии Баха-Зелевского в Первой мировой войне сохранилась скудная. В 1915 г. он, воюя в составе 3-го Западно-прусского полка, был ранен в плечо. За смелость его неоднократно награждали, включая Железные кресты II и I классов. В 1918 г. Эрих получил серьезное отравление во время газовой атаки. В том же году его перевели в 10-й гренадерский полк короля Фридриха Вильгельма (1-й Силезский), где он командовал пулеметной ротой и заслужил первое офицерское звание – лейтенанта¹³.

Весной и летом 1918 г. германская армия предприняла четыре отчаянных мощных наступления, чтобы разгромить англо-французские войска до прибытия в Европу главных американских сил. Но измотанные, истратившие последние резервы и обескровленные немецкие дивизии не могли выдержать контрудара союзников. Провал наступлений вызвал сильнейшее брожение в стране. Экономика трещала по швам, население утратило веру в кайзера и генералитет, происходили почти непрерывные забастовки, нача-

лось разложение армии и флота. Германия проиграла войну. Империю постиг крах. В отдельных городах и регионах, в результате внутренних потрясений и дезориентации, произошла поляризация значительной части населения, что нашло свое выражение в формировании – с одной стороны – рабочих и солдатских советов, а также – с другой – добровольческих корпусов, или «фрайкоров». Последние рассматривали себя защитниками имперских и национальных интересов перед лицом внутреннего и внешнего врага.

В конце 1918 г. Бах вступил в добровольческий корпус генерал-майора Карла фон Хёфера¹⁴, сражавшегося за Верхнюю Силезию – главный объект спора Германии и Польши. Зелевский был командиром роты в батальоне Курта фон Бюлова (6-я бригада рейхсвера). В 1919–1920 гг. Бах участвовал в подавлении 1-го и 2-го Силезских восстаний¹⁵, а затем в приграничных боях. Чтобы положить конец двухлетнему кровопролитию, в октябре 1921 г. решением Совета Лиги Наций Верхнюю Силезию разделили. Восточная часть провинции с ее значительными залежами угля и промышленными предприятиями отошла Польше, в то время как западная часть осталась в Германии. Для таких людей, как Бах, это означало не что иное, как поражение¹⁶.

Тем не менее профессионализм, храбрость и лидерские качества молодого офицера Зелевского были признаны в период борьбы за Силезию, и это привело к тому, что его

приняли в рейхсвер, численность которого была сведена Версальским мирным договором до 100 000 человек. Новым местом службы лейтенанта стал 4-й пехотный полк, дислоцировавшийся в померанском городе Старгард. Кроме несения службы, Бах все больше интересовался политикой. Веймарскую республику он ненавидел лютой ненавистью. Вскоре решительно настроенный фронтовик присоединился к «Немецко-народническому союзу защиты и отпора» — ультраправой организации, провозгласившей борьбу с «еврейским господством» в государственных, экономических и культурных областях.

По мнению немецкого исследователя А. Ангрика, радикальные националистические взгляды Баха-Зелевского стали причиной того, что в конце 1924 г. ему пришлось с позором покинуть свою часть и распрощаться с военной карьерой¹⁷. Однако историк М. Барелковский, обнаруживший в архиве г. Людвигсбурга ранее неизвестные источники, пришел к противоположному выводу. Скорее всего, полагает специалист, Баха просто уволили из рейхсвера в запас. В качестве подтверждения своей версии Барелковский ссылается на факты привлечения Зелевского к полевым сборам и учениям вермахта. С 1 декабря 1936 г. группенфюрер СС Бах числился в мобилизационных документах германского Генштаба как капитан запаса. С недоверием относится историк к послевоенным показаниям Зелевского, будто армию он оставил из-за неважного здоровья. В 1930-е гг. Бах

был обладателем имперского и спортивного значков СА, поэтому воспринимать его как человека, физически негодного к военной службе, невозможно¹⁸.

Известна еще одна сомнительная версия увольнения Зелевского из армии. Офицеры полка, заявил Бах на допросе 19 июня 1947 г., якобы объявили его вне закона, когда узнали, что две сестры лейтенанта вышли замуж за евреев. Испытывая давление сослуживцев и подвергаясь остракизму, он, будто бы затаив обиду, ушел из вооруженных сил¹⁹.

Эти объяснения вряд ли заслуживают полного доверия. Зелевский принадлежал к числу убежденных националистов и юдофобов, причем его антисемитизм носил строго рассчитанный, неэмоциональный характер. Когда в стране запретили деятельность «Немецко-народнического союза защиты и отпора», Бах примкнул к военизированной организации фронтовиков «Стальной шлем», ставившей главной задачей борьбу против евреев, левых и демократических сил Германии²⁰.

Что касается еврейских родственников Зелевского, то их он презирал и видеть не хотел. В августе 1921 г. его старшая сестра Ванда Ядвига Матильда фон Зелевская (1892–1987) действительно вышла замуж за скрипача из Белостока Овсея Шиффа (1891–1964)²¹. В 1924 г. средняя сестра, Элла, стала супругой еврейского предпринимателя из Берлина Ганса Кольса²². В первой половине 1930-е гг. Бах, уже явля-

ьясь высшим офицером СС, будто бы приглашал сестер с мужьями провести отпуск на его ферме в Дюрингсхофе. В подобное трудно поверить, как и во многие другие заявления Баха, утверждавшего после войны, что он сам по крови еврей!²³ Все это было лишь игрой, манипуляцией, чтобы запутать следователей. В реальности Эрих и пальцем не шевельнул, чтобы помочь своей родне. В итоге семейства Шиффа и Кольса, лишенные прав, работы и сбережений, в январе 1936 г. эмигрировали из Германии в Бразилию.

Равнодушное отношение Баха к родственникам, связавших жизнь с евреями, было, судя по всему, одним из элементов его самоидентификации, которая заключалась в добровольном переустройстве собственной личности в соответствии с канонами германского национализма и расовой теории. Процесс перерождения отпрыска кашубской аристократии в истинного национал-социалиста, безусловно, требовал времени, и Зелевский, мечтавший возродить тевтонскую ветвь своего рода, последовательно шел к этой цели. 21 сентября 1921 г. он женился на немке Рут Апфельд (1901–1967). Брак с ней оказался счастливым; в нем у Баха родилось шестеро детей²⁴.

Любопытно, однако, другое. Перед тем как заключить брачный союз с Рут (которую в дневнике он ласково называет «мамочкой»), ему пришлось выйти из католической церкви и принять евангелически-лютеранскую веру. Бах, крещенный в 14 лет в католичество, уйдя в протестантизм, на-

рушил последнюю волю отца. Но, как покажут дальнейшие события, переходы из одной веры в другую будут для Зелевского обычным делом. В 1933 г. он, как член СС, осознанно порвет контакты с лютеранской церковью и станет, по заведенной в «Черном ордене» традиции, «верующим в высшие формы жизни» («gottgläubig») ²⁵. После войны он вернется в католицизм ²⁶, в 1947 г. обвенчается с женой по латинскому обряду, чтобы устроить одного из своих сыновей в приходскую школу ²⁷, но незадолго до смерти вновь перейдет в лютеранство ²⁸. Столь частая смена конфессий показывает Баха как человека, смотревшего на религию с чисто утилитаристской позиции.

Следующий шаг Зелевского был связан с изменением фамилии. Уже в 1920-е гг. он тяготился ее славянским звучанием. Если в берлинской адресной книге за 1926 г. он еще значился как фон Зелевский, то в 1927 г. появляется новая запись – фон дем Бах-Зелевский. Смена фамилии, как считает историк М. Барелковский, могла произойти благодаря дяде Эриха – Людвигу фон дем Бах-Зелевскому, работавшему в Потсдаме советником при Счетной палате. Хитрый племянник воспользовался его двойной фамилией ²⁹.

Эрих на этом не остановился. 28 ноября 1940 г., после особого разрешения администрации Бреслау, он избавился от польской части фамилии, став фон дем Бахом. В письме Гиммлеру от 29 октября 1940 г. Зелевский подробно рас-

сказал, как он усиленно исследовал собственную генеалогию и отыскал «фундаментальные доказательства» тевтонского происхождения своих предков.

Баха буквально распирало от гордости и спеси. О поляках он отзывался с брезгливым негодованием. Одновременно он устремлял свой взор в будущее, видя своих сыновей членами СС, которые, вспоминая о славной фамилии отца, будут использовать ее против польских инсинуаций. Некоторые строки его письма показывают, что неприязнь автора к полякам граничила с иррациональной одержимостью³¹. Разумеется, в послевоенные годы он обо всем этом крепко забудет, вернет славянскую часть фамилии и станет выдавать себя за «спасителя» польских стариков, женщин и детей³².

II. Гвардеец фюрера

Вторая половина 1920-х гг. оказалась для Зелевского вполне успешной. Хотя он оставил военную службу и какое-то время входил в категорию социальных изгоев, после нескольких случайных заработков ему улыбнулась удача. Бах, перебравшийся к тому моменту в Берлин, открыл в столице таксомоторную компанию, которая относительно быстро стала процветающей. Используя доходы фирмы, а также приданое жены, он в 1928 г. приобрел 37-акровое поместье в Дюрингсхофе, в округе Ландсберг-на-Варте. Обеспечив безбедное существование себе и своей семье, он смог основательнее заняться политической деятельностью³³.

Переезд Баха в сельскую местность имеет, на наш взгляд, важное значение. В данном случае он действовал как состоявшийся расист, впитавший в себя идеи аграрной романтики, антиурбанизма и экологизма, зарождавшегося, как известно, в среде радикальных националистов. Он увидел в окружающей его природе и крестьянах первозданные силы германского народа. Сам народ представлялся ему вместилищем жизни. Бах рассматривал его как почву, пашню и перегной, при помощи которых можно достичь более благородного состояния человека и создать прочную базу для нового жизнеустройства. Основой вопрос для него заключался в том, кто в Германии способен осуществить нечто похо-

жее³⁴.

Внимательно наблюдая за политической жизнью в стране, Бах все отчетливей понимал, что существовавшие правые партии, в результате утраты внутренней динамики и нежелания выйти за пределы консервативно-реставрационных воззрений, будут не в состоянии произвести радикальную ломку сложившейся политической и социально-экономической системы. Нужна была сила совсем иного характера, безудержно активная и мощная, пробуждающая веру в радужные перспективы, выступающая альтернативой либерализму и демократии, а также старой цивилизации и культуре, уничтоженной в огне Первой мировой войны. Такую силу Зелевский разглядел в Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП). Ее относительно молодой, бодрый и харизматический лидер произвел на бывшего померанского офицера рейхсвера огромное впечатление, и в феврале 1930 г. Бах вступил в ряды его последователей, получив партийный билет № 489 101³⁵.

Практически с первых дней пребывания в нацистской партии Зелевский стремился попасть в СС. В отличие от СА, которые вызывали у него смешанные чувства, охранные отряды показались Баху именно той организацией, где он мог бы реализовать свои амбиции. Ему нравилась черная форма СС, порядки и основные принципы, установленные внутри «ордена нордических мужчин» – личная преданность Гитлеру, железная дисциплина, строжайшая иерархия, чувство

чести и готовность к самопожертвованию. Кроме того, уже тогда подчиненные Гиммлера позиционировали себя в качестве истинной элиты Германии, что давало таким людям, как Бах, шанс войти в число избранных и обрести власть³⁶.

Зелевский активно включился в работу, создавая с нуля эсэсовский аппарат управления в своем регионе. По его инициативе были сформированы подразделения пограничной охраны СС, замыкавшиеся на окружное руководство «Черного ордена» во Франкфурте-на-Одере и Шнайдемюле. Непосредственным начальником Баха был Курт Далюге, положительно оценивший деятельность нового соратника. Он отметил «честность и порядочность» Зелевского. Среди недостатков Далюге указал на импульсивность. Если Зелевский научится «контролировать» её, подчеркивалось в характеристике, его «можно предлагать к повышению в должности»³⁷.

В феврале 1931 г. Баха приняли в СС (удостоверение № 9831)³⁸. Теперь ему поручили более сложное задание: организовать в Ландсберге-на-Варте отделения НСДАП и охранных отрядов. Органов нацистской партии здесь еще не было. Зелевский стал первым эсэсовцем в Ландсберге³⁹. Ему пришлось действовать во враждебной политической среде, зачастую идти на риск, чтобы основать форпост коричневого движения в приграничных с Польшей территориях. Гиммлер признал достижения Баха, называл его «очень хорошим

национал-социалистом», но «во многих случаях беззащитным»⁴⁰.

В последующие три года Зелевский, проявивший себя как талантливый организатор и фанатично преданный Гитлеру человек, совершил стремительный взлет по карьерной лестнице. В июне 1931 г. ему присвоили звание унтерштурмфюрера, в декабре 1931 г. – штурмбаннфюрера, в сентябре 1932 г. – штандартенфюрера и через месяц – оберфюрера. К тому моменту он командовал 27-м штандартом (полком) СС и руководил VIII абшнитом (округом). В 1933 г. Баху доверили руководство XII абшнитом во Франкфурте-на-Одере, а в декабре присвоили звание бригадефюрера СС⁴¹.

После прихода нацистов к власти в январе 1933 г. Зелевский решил очистить свой округ от коммунистов и социал-демократов. По его личному указанию в марте 1933 г. в деревне Вольденберг эсэсовцы арестовали всех коммунистов. Двое из них были казнены, что позже было представлено как акт возмездия за убийство члена СА. Аналогичные акции прошли еще в нескольких населенных пунктах. Летом 1933 г. Бах приказал уничтожить братьев Рудольф, зарезавших в 1931 г. члена гитлерюгенда Герхарда Либша. Зелевский не забыл об этом преступлении. Двумя годами ранее он был вне себя от ярости, когда суд приговорил одного из братьев к символическому тюремному заключению. В 1933 г. настал час расплаты. Оба брата были найдены летучей ко-

мандой СС, подвергнуты пыткам и расстреляны⁴².

Политика давления, насилия и убийств, проводимая Бахом, произвела впечатление на самого фюрера. В декабре 1942 г., оглядываясь назад, Гитлер в разговоре с генералами В. Кейтелем и А. Йодлем заметил: «Бах-Зелевский – один из самых ловких людей. Даже раньше в партии я поручал ему самые трудные дела. Если где-нибудь еще появлялись признаки коммунистического сопротивления, я посылал его туда, и он их перемалывал»⁴³.

Одновременно с быстрым восхождением в иерархии СС успешно складывалась и партийная карьера Баха. Он несколько раз участвовал в выборах в рейхстаг и летом 1932 г. получил мандат депутата. Правда, в ноябре 1932 г. его постигла неудача в избирательной кампании. Но во время мартовских выборов 1933 г. Зелевский снова вошел в германский парламент и оставался депутатом до конца Второй мировой войны⁴⁴.

В феврале 1934 г. рейхсфюрер СС решил усилить позиции «Черного ордена» в Восточной Пруссии. Гиммлер рассчитывал устранить представителей СА и обрести еще больше властных полномочий. Для осуществления своих планов он назначил Баха руководителем оберабшнита (главного округа) СС «Северо-Восток» (Восточная Пруссия и Данциг)⁴⁵. Параллельно с этим премьер-министр Пруссии, Герман Геринг, назначил Зелевского начальником штаба геста-

по в Кёнигсберге. Бах впервые оказался втянут в борьбу за власть. Он должен был контролировать деятельность левацки настроенного гауляйтера Эриха Коха⁴⁶.

В дневнике Зелевского есть запись от 27 июня 1941 г., где он говорит, что его переезд в Восточную Пруссию был связан с инструкциями рейхсфюрера СС, приказавшего вести беспощадную борьбу с коррупцией в управленческих структурах региона. Кроме того, Бах обмолвился о том, что Кох, втянутый во все эти темные дела, брал под свою защиту весьма сомнительных субъектов, в том числе гомосексуалистов и педофилов, бросавших тень на руководящий состав партии и вызывавших смех у вермахта. И самое главное – гауляйтер пытался подчинить себе полицейские органы, чем окончательно вызвал раздражение СС⁴⁷.

Вскоре политическая обстановка предоставила Баху возможность разделаться с Кохом. В июне 1934 г., незадолго до «ночи длинных ножей», он встретился с Гиммлером, который в конфиденциальной беседе рассказал о готовящейся чистке СА. Баху было давно указание арестовать и ликвидировать всех руководителей штурмовых отрядов. Учитывая географическое положение Восточной Пруссии, Зелевскому также следовало быть готовым к попыткам Польши аннексировать немецкие территории, чего нельзя было допустить ни при каких условиях⁴⁸.

Однако, возвращаясь из Берлина в Кёнигсберг, Бах слу-

чайно встретился в поезде с полковником Эрихом Гёпнером, начальником штаба I Военного округа. В разговоре с ним он пришел к выводу, что восточнопрусские СА не представляют опасности, поскольку у осведомителей гестапо не было сведений о заговорщических собраниях или о подготовке к мятежу. В гауляйтере Кохе они не видели реальной угрозы, так как местное отделение НСДАП, как и все его органы, считалось верными Гитлеру⁴⁹.

30 июня 1934 г. Эрих фон дем Бах вызвал своих сотрудников и объяснил, что штурмовые отряды планируют покушение на вождя нации. В течение нескольких часов команды СС взяли под стражу около 100 функционеров СА. Тем не менее, как позднее показали некоторые эсэсовцы, Бах не применил радикальных мер. Практически все штурмовики после проверки были отпущены, за исключением двух – штурмбаннфюрера СА Кнабе и бригадефюрера СА Квитцрау, доставленных на самолете в Берлин. Зелевского больше интересовало, где скрывался Кох, которого действительно хотели устранить. Но резиденция гауляйтера была пуста, а сам ненавистный чиновник своевременно уехал в столицу Рейха, где и пересидел эти события⁵⁰.

Бах использовал «ночь длинных ножей» для сведения счетов. В первую очередь – с оберштурмфюрером СС Антоном фон Хобергом и Бухвальдом. Последний был наездником и пользовался большим уважением в Восточной Пруссии. Будучи протеже бывшего руководителя оберабшнита «Север-

ро-Восток» Вернера Лоренца, фон Хоберг занимался подготовкой кавалерийских частей СС. До определенного момента между ним и Бахом существовали хорошие отношения, пока в марте 1934 г. известный жокей, имевший связи в армии, не оказался на совещании руководителей СС, где один из выступавших – тогдашний начальник Главного управления СС группенфюрер СС Курт Виттге – заметил, что СС по приказу Гитлера могут действовать против рейхсвера. Хоберг рассказал об этом генералу В. фон Рейхенау, который обрушился на Гиммлера в самых резких выражениях, не забыв упомянуть имя осведомителя. С тех пор Хоберг считался предателем в глазах СС⁵¹.

2 июля 1934 г. Бах отправил в особняк к отступнику оберштурмфюрера СС Карла Дайнхарда и шарфюрера СС Пауля Цуммаха. Они и расстреляли фон Хоберга. Убийство прославленного кавалериста потрясло всю Восточную Пруссию. Ликвидаторов нашли, но никто из них не подвергся судебному преследованию. Зелевский, как заказчик, остался в тени и вне подозрений. За свою преданность Гитлеру и «Черному ордену» 11 июля 1934 г. Бах получил звание группенфюрера СС⁵².

После «ночи длинных ножей» СА были реформированы и уступили первенство СС – преторианской гвардии фюрера, которая заметно усилила позиции вождя. 20 июля 1934 г. Гитлер объявил СС самостоятельной организацией внутри НСДАП и разрешил Гиммлеру начать формирование воин-

ских частей СС, явно не желая оказаться в полной зависимости от армии, все еще настроенной скорее консервативно, чем национал-социалистически. Для Баха общий подъем СС означал укрепление его позиций в Восточной Пруссии. Фактически у него оставался один противник – Кох⁵³.

Конфликт между гауляйтером и местным начальником СС развивался стремительно. Еще в 1934 г. Бах отправил за решетку ближайшего соратника Коха, крайсляйтера Курта Кнута, обвиненного в том, что он вымогал деньги и оскорблял Геринга. Ситуация особенно обострилась весной 1935 г., когда Зелевский арестовал нескольких чиновников за личные проступки. Он также использовал свою власть, чтобы подчинить отдельных партийных руководителей уставу СС, взяв под стражу судью Даниэля Штрубе и вице-президента торговой палаты Кёнигсберга Рихарда Гёргеса, что вызвало протесты Коха. Гауляйтер попросил помощи у заместителя фюрера по партии – Рудольфа Гесса, по приказу которого чиновников освободили. Баха, правда, это не остановило. Кульминацией всего стало полное прекращение сотрудничества регионального аппарата СС с гражданской администрацией, в результате в провинции стали действовать два органа, проводившие независимо друг от друга свою политику⁵⁴.

Желая положить конец распрям, в дело вмешался Гитлер. Фюрер распорядился прекратить все ссоры и приступить к совместной работе. Чтобы не накалять и без того взрывную атмосферу, было решено снять Баха с занимаемых должно-

стей. Зелевского с сохранением звания назначили начальником оберабшнита «Юго-Восток» со штаб-квартирой в Бреслау⁵⁵.

Фон дем Бах усвоил кёнигсбергский урок. Хотя он оставался одной из самых радикальных фигур в руководстве СС, теперь Зелевский старался не вступать в конфликты с партийными и правительственными учреждениями. В дневнике он следующим образом описывает свой испытательный срок: «Я стал работать в Силезии, как никогда раньше в своей жизни. Мне не приходилось бывать дома вечерами, причем почти несколько лет. Наряду с текущей канцелярской работой, я постоянно переезжал из одного подразделения СС в другое. Я заботился о членах СС, как о своей собственной семье. Еще до нюрнбергских съездов партии я лично представлял каждого участника. Наконец, моя работа вновь нашла признание в глазах рейхсфюрера СС»⁵⁶.

В период 1936–1939 гг. Гиммлер активно проводил мероприятия по унификации органов немецкой полиции и ее идеологизации. К середине 1938 г. был сформирован институт высших фюреров СС и полиции в отдельных военных округах. Постепенно эта должность была введена во всем Рейхе, а затем и в оккупированных нацистами странах. Высшие фюреры СС и полиции являлись заместителями Гиммлера и его представителями на местах. Бах-Зелевский стал доверенным лицом шефа СС в Силезии. 28 июня 1938 г. он

стал высшим фюрером СС и полиции на Юго-Востоке⁵⁷.

В биографии Баха встречаются и пробелы. Не совсем ясна степень его участия в событиях 9 ноября 1938 г., когда разразился общегерманский еврейский погром, названный впоследствии «Хрустальной ночью». Зелевский приказал подчиненным ему частям СС не вмешиваться в происходившие эксцессы. Он рапортовал Гитлеру, что во вверенном ему регионе сожжено 80 синагог. В нацистской прессе Силезии сообщалось, что погром стал «выражением народного гнева», «справедливой мерой негодования», свидетельством того, что «терпение народа исчерпано»⁵⁸.

Также не до конца понятно, какую роль играл Бах во время вторжения вермахта в Польшу осенью 1939 г. Известно, что по договоренности с ОКХ восточные верхнесилезские районы отходили под его юрисдикцию. До сих пор открытым остается вопрос, был ли причастен Зелевский к убийству 250 поляков в Котовице⁵⁹. Значительно лучше исследована проблема участия Баха в депортациях польского населения Силезии. 7 октября 1939 г. был создан Имперский комиссариат по укреплению германской народности (РКФ), который возглавил Генрих Гиммлер. Зелевского назначили его уполномоченным. Бах оказался вовлечен во все процессы, связанные с принудительным выселением. Под его непосредственным руководством с 23 сентября до 14 декабря 1940 г. проводилась акция «Зайбуш» (Aktion «Saybusch»). Только

до 12 ноября 1940 г. в Генерал-губернаторство были выселены 17 413 поляков. Мероприятия осуществлялись 82-м и 83-м полицейскими батальонами и отдельными подразделениями вермахта. В район Зайбуша (сегодня – Живец) до середины декабря 1940 г. прибыли 3200 «фольксдойче» – около 700 семей немецких переселенцев из румынской Буковины. В дальнейшем планировалось вести заселение в районах Тешена, Фрайштадта, Рыбника, Плесса и Вадовице⁶⁰.

По словам польского историка М. Сикоры, у высшего фюрера СС и полиции были поистине грандиозные планы. Они предусматривали депортацию от 1 до 4 тысяч человек в день, то есть, как подсчитал исследователь, от 30 до 120 000 в месяц и от 360 000 до 1,44 млн в год. Постоянное участие Зелевского в депортациях, подчеркивает Сикора, никогда судом не рассматривалось!⁶¹

Еще более мрачным пятном лежит на Бахе его деятельность по созданию лагеря смерти Аушвиц (Освенцим). Проект этого лагеря возник в управлении Зелевского. Находившийся в его подчинении инспектор полиции безопасности и СД оберфюрер СС Арпад Виганд представил данный проект в конце 1939 г., когда участились донесения о переполнении тюрем в Верхней Силезии и Домбровском бассейне, что затрудняло репрессивную деятельность в отношении польского населения⁶². В начале 1940 г. в Аушвиц приехала комиссия инспектора концентрационных лагерей оберфюрера

СС Рихарда Глюкса. Комиссия осмотрела кирпичные и деревянные казармы бывшей польской армии и поначалу пришла к выводу, что использование указанных объектов невозможно. К тому же территория, где располагались здания, граничила с двумя протекающими рядом реками, Солой и Вислой, выходявшими из берегов в период дождей⁶³.

Тем не менее, столкнувшись с недостатком мест содержания противников нацизма и учитывая фактор военного времени, когда могли потребоваться дополнительные площади для размещения пленных, лагерные администраторы СС согласились использовать бараки под Освенцимом для изоляции врагов Рейха. Это судьбоносное во всех смыслах решение было принято не без влияния Баха, который намеревался бросить в лагерь представителей польского Сопротивления, мешавших ему очищать Силезию от «чужеродных элементов». Причем, в понимании Зелевского, Аушвиц был всего лишь одним из пунктов, где должны были находиться преступники. Он активно вел поиски новых мест заключения⁶⁴.

Освенцим официально открылся 14 июня 1940 г., когда сюда прибыл первый транспорт с польскими заключенными – 728 человек из расположенной в Генерал-губернаторстве тюрьмы города Тарнува. Большинство из них были молодыми людьми, обвиненными в антигерманской деятельности⁶⁵.

В середине июля 1940 г. Бах лично приехал в лагерь, что-

бы посмотреть, как в нем налажена работа. Нельзя сказать, что он был доволен. Узнав о побеге первого заключенного (им оказался некий Тадеуш Веёвский), Бах приказал расстрелять пять узников. Чтобы в дальнейшем исключить случаи побегов, Зелевский 22 июля 1940 г. издал приказ о необходимости повышения безопасности концлагеря Аушвиц. В документе говорилось: «Очистить всю территорию в радиусе 5 км от лагеря от подозрительной мрази». Людей, обнаруженных в запретной зоне, «расстреливать на месте»⁶⁶.

Фактически Бах заложил основы будущего лагеря уничтожения. После войны он всячески отрицал это. На одном из допросов летом 1946 г. Зелевский цинично заявил: «Аушвиц был военным центром подготовки. Там находился завод Геринга, и, вероятно, рабочие на этом заводе были из концентрационных лагерей. Вокруг завода, возможно, находились бараки, но тогда он не был концлагерем, поскольку если бы он был таковым, то был бы лагерем смерти»⁶⁷.

III. Убийца евреев

В письме начальнику Личного штаба рейхсфюрера СС Карлу Вольфу от 23 октября 1939 г. фон дем Бах, предвидя длительную войну, подчеркнул, что для «послевоенного развития» СС важно, чтобы высший офицерский состав «Черного ордена» в этой борьбе принес своему народу «кровавую жертву»⁶⁸. Слепая преданность Зелевского СС во многом предопределила его дальнейшую судьбу жестокого убийцы, развязавшего неистовый террор в захваченных областях СССР. К этому моменту Бах приобрел значительный авторитет у руководства Рейха и полное доверие Гиммлера. Когда началась подготовка к операции «Барбаросса», в СС рассматривали «маркграфа Силезии» как ревностного исполнителя воли фюрера, способного с энтузиазмом истреблять всех врагов национал-социализма.

В предстоящей кампании против Советского Союза на органы СС и полиции возлагалось «специальное задание», которое, как отмечалось в «Инструкции об особых областях к директиве № 21» от 13 марта 1941 г., «вытекает из идеи борьбы двух диаметрально противоположных систем»⁶⁹. Суть «специального задания» состояла в том, чтобы проводить на занятой территории комплекс репрессивно-карательных мер, начиная от уничтожения советских партий-

ных работников, офицеров НКВД, армейских политруков и заканчивая ликвидацией евреев. Истребление последних считалось одним из главных пунктов «крестового похода» против «еврейско-большевистской системы»⁷⁰.

Гиммлер нес ответственность за то, чтобы выполнение мероприятий, связанных со «специальным заданием», не нарушало хода боевых действий. Остальные детали он был обязан согласовать с ОКХ. Основную роль здесь сыграло Главное управление имперской безопасности (РСХА), подготовившее совместно с командованием сухопутных сил проект приказа «О деятельности особых команд и оперативных групп и команд в оперативной зоне»⁷¹. После долгого согласования с ОКВ 28 апреля 1941 г. был подписан приказ «О регулировании деятельности полиции безопасности и СД в сухопутных войсках». 14 июня 1941 г. его дополнили еще одним приказом – «О военной организации и применении сил полиции порядка и полиции безопасности (СД)»⁷².

Кроме использования в тылу вермахта подразделений полиции безопасности и СД, Гиммлер распорядился привлечь к выполнению карательных функций части войск СС и батальоны полиции порядка. Для руководства этими силами поначалу были учреждены три должности высших фюреров СС и полиции – на Севере России, в Центральной России и на Юге России. В дальнейшем, по мере продвижения линии фронта в глубь Советского Союза, планировалось вводить

новые органы наместников Гиммлера⁷³.

Обязанности и задачи высших фюреров СС и полиции были подробно изложены рейхсфюрером в приказе от 21 мая 1941 г. Среди них – постоянное взаимодействие с начальниками тыловых районов групп армий, применение сил полиции и войск СС для поддержания порядка и безопасности, выполнение специальных поручений шефа СС, которые будут возникать в процессе умиротворения оккупированной территории⁷⁴.

Высшим фюрерам СС и полиции непосредственно подчинялись командующие полицией порядка, командующие полицией безопасности и СД, бывшие одновременно командирами оперативных групп, командующие войсками СС. В аппарат высших фюреров СС и полиции с учетом задач и ситуации в оккупированной зоне могли входить начальник персонального бюро (личный референт), представитель рейхс-комиссариата по укреплению германской народности, судья СС и полиции, специалист по вопросам расы и поселений, а также сотрудник хозяйственной службы СС⁷⁵.

Штабы высших фюреров СС и полиции имели в основном единую структуру – 16 офицеров и 23 человека унтер-офицерского и рядового состава. В штабах было несколько отделов: I а – оперативный, I с – разведки и контрразведки, II с – дисциплинарных вопросов, команда криминалистов, IV а – уполномоченный войск СС и полиции. В штабе работали

5–6 офицеров-адъютантов. Каждый из них отвечал за конкретное направление. Так, например, адъютант по линии полиции безопасности и СД представлял интересы спецслужб, обеспечивал личную охрану высшего фюрера СС и одновременно выполнял обязанности «уполномоченного по борьбе с бандами и евреями». Для охраны штабов использовались подразделения войск СС и полиции численностью от взвода до усиленной роты⁷⁶.

Штабы высших фюреров находились в тесном взаимодействии с Командным штабом рейхсфюрера СС. Этот орган координировал деятельность частей и соединений войск СС, ставил перед ними служебно-боевые и карательные задачи, определял районы и области, подлежащие умиротворению. В свою очередь, высшие начальники, которым подчинялись соответствующие формирования СС, обязаны были ежедневно отчитываться о проведенных операциях. Формы отчетности имели стандартный вид и включали в себя описание боевых действий, тактики противника, допущенные ошибки, приобретенный опыт, достигнутые результаты и порядок проведения дальнейших акций, спланированных на основании разведывательных данных и сложившейся обстановки⁷⁷.

Учитывая специфику предстоящей войны, Гиммлер лично произвел отбор кадров среди высшего состава СС, которые должны были безжалостно истреблять врагов Рейха. В мае 1941 г. рейхсфюрер утвердил Ганса-Адольфа Прютцма-

на, Эриха фон дем Баха и Фридриха Еккельна на должностях высших фюреров СС и полиции на Востоке. Прютцману поручили устанавливать «новый порядок» на севере России, фон дем Баху – в центре и Еккельну – на юге страны⁷⁸. В конце мая 1941 г., в соответствии со своим назначением, они поступили в подчинение начальникам тыловых районов и командующим охранными войсками групп армий «Север», «Центр» и «Юг» (101-й, 102-й и 103-й тыловые корпуса)⁷⁹.

В течение мая и первой половины июня 1941 г. Еккельн, Бах и Прютцман обсуждали с начальником РСХА Р. Гейдрихом порядок взаимодействия органов СС с оперативными командами полиции безопасности и СД, логистические вопросы проведения мероприятий по ликвидации большого количества противников нацистского режима. Во время этих совещаний также были определены силы и средства, которые будут подчиняться высшим фюрерам. В частности, по согласованию с Главным управлением полиции порядка Бах-Зелевский, так же как Еккельн и Прютцман, получил полицейский полк в составе трех батальонов (307-го, 316-го и 322-го), под командованием полковника полиции Макса Монтуа. Поскольку часть направлялась в тыл центрального участка фронта, то она получила наименование «Центр»⁸⁰.

Высшие фюреры СС и полиции имели также право привлекать к операциям полицейские батальоны, приданные охранным войскам вермахта в рамках договоренностей меж-

ду СС и главнокомандующим сухопутными силами. В каждом тыловом корпусе было по три таких батальона, как правило, хорошо оснащенных. В составе корпуса охранных войск группы армий «Центр» находились 131-й, 309-й и 317-й батальоны. В обязанности Баха входила их проверка и использование в боевых действиях, если не возражало армейское командование⁸¹.

В преддверии нападения на Советский Союз все высшие начальники СС были дополнительно мировоззренчески простимулированы. Зелевский получил личные указания Гиммлера относительно проведения ликвидационной политики. Как высший фюрер СС и полиции в Центральной России, он должен был заниматься этническими чистками, чтобы подготовить «жизненное пространство на Востоке», победоносно войти в Москву, которую на время планировалось сделать столицей имперского комиссариата «Московия», а затем, действуя так же решительно и беспощадно, распространить свою власть до Урала⁸².

Невозможно во всех деталях описать, как день за днем подчиненные Зелевского реализовывали курс военно-политического руководства Третьего рейха на уничтожение неугодных «недочеловеков». Остановимся только на ключевых моментах, позволяющих увидеть роль фон дем Баха.

Впервые Зелевский появился на оккупированной советской земле 30 июня 1941 г. Согласно его дневнику, он проверял подвижные посты и сторожевое охранение полицейского

полка «Центр». Затем Бах выехал в Брест, где узнал, что на днях полевая жандармерия расстреляла «десяток большевиков» – солдат РККА, носивших гражданскую одежду. В глазах Зелевского подобные действия выглядели вполне законными. Бах видел в этом справедливое наказание хитрых и коварных красноармейцев. Для него это будни войны. Его душа спокойна, так как он не несет ответственности за расстрел, а только фиксирует рассказ офицеров вермахта⁸³.

Однако дальше Зелевский будет упоминать о расстрелах редко и лишь там, где они покажутся ему обоснованной мерой. Об истреблении евреев он будет молчать. И не только потому, что убийства, которые ему придется наблюдать, станут негативно отражаться на его психике, но и потому, что он сам будет в них принимать участие.

Ранним утром 7 июля 1941 г. Бах приехал в Белосток. Днем туда прибыл начальник Командного штаба рейхсфюрера СС бригадефюрер Курт Кноблаух. Цель его неожиданного визита состояла в том, чтобы скоординировать с подполковником Фридрихом Рюбезаменом (начальником штаба командующего охранными войсками группы армий «Центр» генерала от инфантерии Макса фон Шенкендорфа) развертывание и боевое применение 1-й кавалерийской бригады СС. На следующий день в Белосток приехал Гиммлер. Он провел совещание с Шенкендорфом и Бахом относительно того, где и когда можно использовать кавалерию СС. Рейхсфюрер в конфиденциальной беседе с Зелевским отдал ему

приказ очистить Белосток от евреев⁸⁴.

Необходимо сказать, что в Белостоке уже прошла первая чистка – 27–28 июня 1941 г. военнослужащие 45-го полка 221-й охранной дивизии, 309-го полицейского батальона и члены оперативной команды 8 убили свыше 2000 евреев (700 из них сожгли в синагоге, предварительно забросав ее ручными гранатами)⁸⁵. Баху надлежало продолжить зачистку.

11 июня 1941 г. Зелевский отдал распоряжение полицейскому полку «Центр» собрать всех евреев-мужчин в возрасте от 17 до 45 лет и немедленно расстрелять. 13 июня 1941 г. Бах приказал 316-му и 322-му батальонам ликвидировать оставшихся евреев за пределами города. Генерал СС в сопровождении сотрудников своего штаба прибыл к месту казни, к заранее вырытым ямам. Здесь он произнес пламенную речь перед командами стрелков, объясняя, чем они занимаются. Затем он и члены его штаба приняли участие в расстреле, чтобы показать личный пример полицейским. К концу дня были убиты 3000 евреев⁸⁶. В общей сложности немцы уничтожили в Белостоке и его окрестностях 6 тысяч человек⁸⁷.

На следующий день, 14 июля 1941 г., 307-й полицейский батальон расстрелял в Барановичах несколько десятков евреев, которые представлены в журнале высшего фюрера СС и полиции как «грабители» («Plünderer»)⁸⁸. В первые ме-

сяцы войны это было типичным обоснованием экзекуций, и Зелевский вполне охотно использовал подобную риторику не только в служебных документах, но и в дневнике.

17 июля 1941 г. Бах провел новую акцию. По его приказу личный состав 316-го полицейского батальона и айнзатцкоманды 8 прочесал Слоним. Полицейские подразделения врывались в дома и выгоняли оттуда евреев. Вскоре немцы собрали около 2000 человек в возрасте от 18 до 50 лет. Зелевский, видимо, изначально хотел истребить всю местную общину, но затем решил отобрать только представителей «еврейской интеллигенции». Примерно 900 человек после жестоких издевательств и пыток были отпущены. Остальных под охраной вывели за пределы города. Как отмечает историк К. Герлах, «высший фюрер СС и полиции, который уже принимал личное участие в событиях в Белостоке, руководил казнью более 1100 евреев в Слониме»⁸⁹.

Казнь, вероятно, была настолько жуткой, что сотрудники штаба Зелевского тем же вечером напились до бессознательного состояния. Баху пришлось не раз в течение ночи приводить их в чувство. В своем дневнике он скрывает истинную причину пьянства своих подчиненных, списывая все на отсутствие воспитания и культуры, увлечение местными женщинами и уподобление полякам и русским⁹⁰. Между тем командир оперативной группы «Б» бригадефюрер СС Артур Небе в донесении назвал расстрел в Слониме «большой акцией высшего фюрера СС и полиции против евреев и других

коммунистических элементов и грабителей»⁹¹.

Истребляя городское еврейское население, Бах не забывал проводить аналогичные операции и в сельской местности. Из его дневника следует, что 14 июля 1941 г. ему пришел приказ Геринга очистить территорию Беловежской пущи от всех неугодных лиц, а затем присоединить ее к имперским охотничьим угодьям округа «Белосток»⁹². Для выполнения этих мероприятий из Генерал-губернаторства в Белоруссию прибыла особая рота из состава специальной части по охране леса. Командовал подразделением друг рейхсмаршала, известный лесничий и охотник капитан Вальтер Фреверт⁹³. От Зелевского требовалось оказать поддержку роте профессиональных егерей.

Бах выделил Фреверту 322-й полицейский батальон. В период с 25 по 31 июля 1941 г. полиция порядка провела депортацию около 7000 человек из 34 деревень. Весь домашний скот у людей был изъят. 3-я рота 322-го батальона «эвакуировала» население 16 населенных пунктов и расстреляла 3402 человека, в том числе 683 еврея. Женщины и дети были депортированы в гетто Кобрин. В общей сложности до лета 1942 г. подчиненные Баха и Фреверта уничтожили в Беловежской пуще около 116 сел и деревень и убили более 5000 местных жителей⁹⁴.

Пока полиция порядка гонялась по лесам за евреями, убивая их и конфискуя имущество, Зелевский готовился

к боевому применению 1-й кавалерийской бригады СС. К тому моменту уже стали более ясными очертания стратегии Гиммлера. По представлениям рейхсфюрера, соединения войск СС должны были двигаться за командами СД, образуя, таким образом, «вторую волну», после которой в армейском тылу не должно было остаться ни евреев, ни партизан⁹⁵.

19 июля 1941 г. в распоряжение Баха передали 1-й и 2-й кавалерийские полки СС (примерно 7200 человек) под командованием штандартенфюрера СС Германа Фегеляйна. Личный состав кавалерийских полков отбирался из частей СС «Мертвая голова». Поэтому в идеологическом плане подчиненные Фегеляйна были давно готовы к ликвидации врагов Рейха, ведь еще задолго до войны они прошли необходимую антисемитскую индоктринацию⁹⁶.

27 июля 1941 г. в Барановичах состоялось совещание с участием Баха, Фегеляйна и Кноблауха. Начальник Командного штаба СС привез с собой особый приказ Гиммлера – «Указания по проведению прочесывания и осмотру болот кавалерийскими частями». В документе не упоминались какие-либо военные цели; он ориентировал военнослужащих СС на совершение массовых убийств гражданского населения⁹⁷.

28 июля 1941 г. стартовала акция по ликвидации евреев Припяти («Entjudung» am Priepjet), известная в во-

енно-исторической литературе как операция «Припятские болота» («Einsatz Pripjetsümpfe»). Бах ежедневно сообщал Гиммлеру, какие результаты достигнуты подчиненными ему войсками. Но рейхсфюрер был не очень впечатлен. 31 июля 1941 г. Гиммлер прибыл в Барановичи и распорядился активизировать действия. А 1 августа 1941 г. появился строжайший приказ шефа СС, где подчеркивалось: «Все евреи должны быть расстреляны. Еврейских женщин надо загонять в болота»⁹⁸.

Разумеется, в своем дневнике Бах отказался фиксировать информацию, связанную с систематическими убийствами. В период с 31 июля по 10 августа он упоминает о расстрелах лишь дважды. В первом случае это была акция 1-го кавалерийского полка СС против «грабителей и комиссаров», во втором – его приказ о расстреле мужского населения деревни Языль, обвиненного в обстреле полицейских 1-й роты 316-го батальона⁹⁹.

Тем временем настоящая картина выглядела иначе. 2 августа кавалеристы 2-го полка СС появились в Хомске. Эсэсовцы собрали около 2000 евреев и следующим утром убили их за чертой города¹⁰⁰. 4 августа Зелевский доложил Гиммлеру, что в подведомственной ему области расстреляны 30 тысяч человек¹⁰¹. 6 августа подчиненные Фегеляйна ворвались в Пинск. В течение двух дней они казнили от 7 до 8 тысяч евреев. Причем Бах посетил эту экзекуцию и по-

благодарил командира 1-го эскадрона 2-го полка СС гауптштурмфюрера Штефана Харвата за прекрасную организацию мероприятия¹⁰².

В служебных документах Бах подсчитывал, сколько ликвидировано евреев. Нужно, правда, сказать, что сообщения из войск приходили с опозданиями и не всегда содержали полную информацию. К. Герлах проследил по радиограммам высшего фюрера СС, как шло увеличение количества жертв: 2 августа убиты 1826 человек, 3 августа вечером – 3247, 5 августа – 4219, 7 августа – 7819, 8 августа – 10 412¹⁰³.

12 августа 1941 г. 2-й кавалерийский полк СС отчитался о своей деятельности за две минувшие недели. Штурмбаннфюрер СС Франц Магиль посетовал, что «практика загонять женщин и детей в болота не дала ожидаемого результата, поскольку болота» оказались «не слишком глубокими». В то же время он отметил, что число «грабителей», расстрелянных подразделениями полка, составило 6526¹⁰⁴. Из итогового донесения 1-й кавалерийской бригады СС от 13 августа 1941 г. видно, что за полмесяца соединение Фегеляйна смогло «умиротворить» западную часть Припятских болот и ликвидировало 13 788 человек. Более 90 процентов жертв оказались евреями. В плен попали 714 человек. При этом собственные потери составили 2 человека убитыми и 15 ранеными¹⁰⁵.

Вечером 14 августа 1941 г. в Минск прилетел Гиммлер.

Встречали рейхсфюрера СС Бах-Зелевский и командир айнзацгруппы «Б» Артур Небе. Ближе к полуночи Гиммлер провел совещание и определил план работы его инспекционной группы на сутки. Помимо проверки кавалерийских частей, рейхсфюрер изъявил желание посмотреть на казнь евреев. 15 августа Небе организовал показательный расстрел. Экзекуцию осуществляла айнзацкоманда 8, убившая 100 человек¹⁰⁶.

Историк Р. Хильберг, автор классического исследования о Холокосте, приводит в своей работе диалог, произошедший между Гиммлером и Зелевским после расстрела. Бах, со слов которого эта беседа и была записана, сказал шефу СС: «Рейхсфюрер, их было только сто! – Что вы имеете в виду? – Посмотрите в глаза людей из команды – они потрясены до глубины души! Они сломлены на всю жизнь. Какое поколение мы здесь воспитываем? Невротиков или животных!»¹⁰⁷.

Зелевский высказывал сожаление, что казни негативно влияют на психику солдат СС и сотрудников полиции¹⁰⁸. Итак, его больше волновали страдания преступников, чем жертв.

Гиммлер, произнеся пафосную речь о необходимости защищаться от «паразитов», поручил Зелевскому и Небе найти менее стрессовые методы уничтожения евреев. Бах предложил использовать для убийства взрывчатку. Однако первый опыт, поставленный на душевнобольных из лечебницы

в Минске, не удовлетворил его. Части тел, разбросанные повсюду, иногда висящие на ветках окружающих деревьев, сделали этот метод еще более психологически обременительным, чем расстрел. Именно после этих чудовищных экспериментов появилась идея применять газ¹⁰⁹.

Тем не менее практику групповых расстрелов Гиммлер вовсе не отменил. Ее следовало продолжать, несмотря на все неприятные для исполнителей психологические последствия. 15 августа в Барановичах рейхсфюрер провел совещание с Бахом, Фегеляйном, командиром 2-го полка СС штурмбаннфюрером Густавом Ломбардом и генералом фон Шенкендорфом. К концу совещания его участники пришли к выводу, что следует и дальше действовать радикальным образом в восточной части Припятских болот¹¹⁰.

Совещание Гиммлера в Барановичах, похоже, придало новый импульс карательным операциям. В Берлин полетели сообщения, что штаб фон дем Баха проводил расстрелы самостоятельно, без привлечения других сил¹¹¹. 20 августа 1941 г. в дневнике Зелевского появляется запись: «Сровняли с землей населенные пункты: Туров, Запесочье, Дворец, Погост, Степец, Озераны, Семуражье и Хочень»¹¹².

Истребление евреев в районе Турова и Погоста продолжалось несколько дней. Так, в Турове штаб Баха и подразделения 1-го кавалерийского полка СС убили 685 человек. 80 евреев, в том числе женщин и детей, расстреляли в центре го-

рода, охваченном пожаром. Часть людей убили на берегу реки Струмень, другую – в деревне Сторожевцы, а оставшихся жителей сожгли в домах¹¹³.

Акцию в Погосте проводил 5-й эскадрон 2-го кавалерийского полка СС. 24 августа 1941 г. эсэсовцы расстреляли 1000 мужчин, женщин и детей. Параллельно с этой акцией 22 августа началась операция в Старобине и его окрестностях. Здесь действовали 2-й, 3-й и 4-й эскадроны 1-го кавалерийского полка СС. До 29 августа они расстреляли 500 евреев. 27–29 августа 1941 г. подчиненные Фегеляйна зачистили Мозырь: кавалеристы убили около 1000 человек на улицах города, еще 700 евреев утопили в Припяти¹¹⁴.

В начале сентября 1941 г. в штаб Баха все чаще приходили донесения о партизанской деятельности. Однако его тактика принципиально не изменилась. В сводном донесении о действиях 1-й кавалерийской бригады СС с 28 августа по 3 сентября 1941 г. встречается характерный вывод: «Связь партизанских отрядов между собою поддерживается в первую очередь с помощью евреев»¹¹⁵. Эта информация, по меньшей мере, подлежала проверке. Но подобный взгляд устраивал Зелевского, и он его транслировал Гиммлеру.

В сентябре 1941 г. под руководством Баха кавалерийское соединение СС провело расстрелы в Петрикове (убиты 500 евреев), Брагине (600), Юровичах (500), Калинковичах (1500), Речице (от 3000 до 3500), Хойниках (300), Рогачеве

(3500) и Бобруйске (7000)¹¹⁶. 13 сентября 1941 г. Бах-Зелевский записал в дневнике, что с автоматом в руках участвовал в акции по «умиротворению» лесного массива в районе между Хойниками и Речицей. «Мне лично удалось арестовать 1 комиссара, 2 командиров, 6 других партизан и 13 русских солдат, – с гордостью отметил группенфюрер СС. – Суд стандартный – у кого было найдено оружие, немедленно расстреляли. Солдат доставили в лагеря для пленных»¹¹⁷.

24—26 сентября 1941 г. в Могилеве по инициативе генерала фон Шенкендорфа прошли сборы по обмену опытом, который войска приобрели в борьбе с партизанами. На курсы прибыли капитан Фёрстер из ОКХ, офицер по снабжению группы армий «Центр» майор Гюнтер фон Герике, командиры и штабные офицеры охранных дивизий и полевых комендатур. Со стороны СС на сборах присутствовали Бах, Небе, Фегеляйн, командир полицейского полка «Центр» Макс Монтуа, командир айнзатцкоманды 8 Отто Брандфис, командир 2-го кавалерийского полка СС Густав Ломбард и др.¹¹⁸

На второй день курсов Бах-Зелевский прочитал лекцию «Поимка комиссаров и партизан во время проведения акций по прочесыванию местности». За ним выступил Небе с двумя докладами – «Сотрудничество между войсками и СД в борьбе с партизанами» и «Еврейский вопрос применительно к партизанскому движению». Слово также было предостав-

лено Ломбарду, чей полк действовал в Припятских болотах. Ломбард выдвинул лозунг «террор против террора» и сформулировал свое видение «еврейского вопроса»: «Излишне что-либо еще говорить о евреях. Вероятно, можно договориться о мерах, когда еврей должен исчезнуть из подведомственных нам областей, но то, что он должен быть устранен, не вызывает никаких сомнений, потому что еврей является партизаном!»¹¹⁹

Курсы не ограничивались только теорией. На третий день сборов подчиненные Баху сотрудники полиции на практике продемонстрировали, как они борются с «бандитами». 1-я рота 322-го полицейского батальона и айнзатцкоманда 8 оцепили деревню Княжицы (15 км северо-западнее Могилева) и в ходе упражнения, получившего название «Ликвидация партизанского гнезда», проверили населенный пункт и отобрали 30 евреев, которых расстреляли в конце учений. В журнале боевых действий 322-го полицейского батальона была указана причина казни: «Поддержка партизан»¹²⁰.

В сентябре 1941 г. штаб фон дем Баха переехал из Минска в Могилев. Зелевский посчитал, что здесь ему будет намного лучше, чем в оккупированной столице Белоруссии, где карателю пришлось пережить весьма неприятный налет советской авиации¹²¹. К тому же Могилев был значительно ближе к Смоленску, где расположились штабы группы армий «Центр», охранных войск и оперативной группы «Б».

В Могилеве Зелевский решил навести «идеальный порядок». 29 сентября он создал исправительно-трудовой лагерь, куда отправляли подозреваемых в связях с партизанами¹²². Правда, эти меры показались ему недостаточными. Особенно Баха возмутило то, что в городе скопилось большое количество евреев. С точки зрения высшего фюрера СС и полиции, это было просто недопустимо! Он приказал ликвидировать местное гетто. Для проведения акции в Могилев были стянуты силы 316-го и 322-го полицейских батальонов, к которым присоединились айнзатцкоманда 8, 51-й украинский батальон и полицейская команда «Вальденбург». 2 и 3 октября 1941 г. полицейские подразделения уничтожили 2273 узника гетто, включая пожилых людей и женщин с детьми. 16 дней спустя, 19 октября, экзекуции подверглись еще 3726 евреев¹²³.

Фон дем Бах руководил казнями и лично принимал в них участие¹²⁴. За две недели он почти полностью уничтожил еврейскую общину Могилева¹²⁵. Расстрелы, проведенные Зелевским, считает историк М. Кюпперс, послужили своеобразным сигналом к тому, чтобы перейти к ликвидации евреев в других городах. С 8 по 10 октября в Витебске были убиты 8000 человек, с 20 по 21 октября в Борисове – от 7000 до 8000 евреев¹²⁶.

Если посмотреть на дневниковые записи Баха октября 1941 г., то мы обнаружим в них пробелы – с 29 сентября по

5 октября, с 7 по 13 октября, с 19 по 27 октября. Пропуски в журнале как раз приходятся на те дни, когда в белорусских городах, входивших в зону армейского тыла, начались мероприятия по уничтожению евреев. Исключением является 19 октября – день начала второй расстрельной акции в Могилеве. Но Бах оставил в дневнике лишь одно предложение: «Совещание у командующего»¹²⁷.

Конечно, никакого совещания у Шенкендорфа в тот день не проводилось. Зелевский следил за тем, как убивали евреев. Ему важно было качественно выполнить поставленную задачу, так как он ждал инспекции рейхсфюрера СС.

В полдень 23 октября 1941 г. Гиммлер прибыл в Могилев. Вместе с Бахом он посетил трудовой лагерь, который планировалось расширить и превратить в один из объектов массового уничтожения европейских евреев. Уже существовали эскизы для негабаритного крематория с 32 печами, способного сжигать до 2000 трупов в день. Вместо угля печи предлагалось топить дровами, используя лесные районы Белоруссии. Забегая несколько вперед, следует сказать, что в конце 1941 г. первые четыре печи были доставлены в тыловой район. Но от создания лагеря смерти пришлось отказаться, поскольку поражение вермахта под Москвой и приближение советских войск не позволили реализовать эти бесчеловечные планы. Тем не менее подготовка в Могилеве еще одного центра уничтожения весьма показательна. На его фоне становится понятно, почему Бах стремился быстрее истребить

местную общину, так как лагерь, где содержались ее представители, должен был принять транспорты с депортированными евреями из Западной Европы и Германии¹²⁸.

Во время визита Гиммлера в могилевский лагерь там были казнены 279 человек. На следующий день рейхсфюрер в сопровождении Баха приехал в Смоленск и встретился с командующим группы армий «Центр» генерал-фельдмаршалом Федором фон Боком. В ходе беседы, на которой присутствовал Зелевский, обсуждались массовые расстрелы евреев в тыловом районе¹²⁹. Гиммлер использовал сложившуюся ситуацию, чтобы форсировать политику уничтожения на оккупированных территориях¹³⁰.

После возвращения в Могилев Бах получил задание ознакомиться с опытом массовых казней на других участках Восточного фронта. Он вылетел в Ригу, куда перевели Фридриха Еккельна – «специалиста по решению еврейского вопроса» на Украине. Еккельну предстояло в кратчайший срок ликвидировать обитателей рижского гетто и освободить место для 50 000 евреев, подготовленных к депортации из Рейха и имперского протектората Богемия и Моравия¹³¹.

В дневнике Бах-Зелевский не упоминает, о чем говорил с Еккельном. Завесу тайны отчасти приоткрыл его собеседник, но после войны и перед советским следователем. На одном из допросов в начале 1946 г. Еккельн показал: «28 или 29 октября 1941 г., когда я прибыл в Ригу, я встретился с

прибывшим из Вайссрутении [Белоруссии] обергруппенфюрером СС фон дем Бахом. Он рассказал мне, что в оккупированных областях Вайссрутении уничтожены не менее 150–200 тысяч евреев»¹³².

Далее Еккельн перечислил фамилии офицеров СС, которые, по мнению Баха, хорошо себя проявили в Прибалтике и Белоруссии. Он, в частности, упомянул командира айнзатцгруппы «А» бригадефюрера СС Вальтера Шталекера, отличавшегося исключительной жестокостью во время расстрельных акций, и командира айнзатцкоманды 2 оберштурмбаннфюрера СС Эдуарда Штрауха. Сам факт того, что Зелевский назвал эти фамилии, говорит о том, что он был осведомлен о программе истребления евреев не только в тылу группы армий «Центр», но и на Севере России.

9 ноября 1941 г. фон дем Баху присвоили звание обергруппенфюрера СС¹³³. Зелевскому подчинили 1-ю пехотную бригаду СС – еще одно соединение карателей, уничтоживших с июля до декабря 1941 г. 17 000 евреев Украины¹³⁴. Бах готовился к новому витку геноцида на Востоке, но обстановка на фронте изменилась. Две подчиненные ему бригады войск СС передали вермахту, а полицейский полк «Центр» бросили закрывать образовавшиеся в обороне бреши под Калугой¹³⁵.

В начале января 1942 г. в подчинении у Зелевского находилось не более 500 человек, выполнявших в основном

охранные функции¹³⁶. Бах уже несколько месяцев пребывал в состоянии психического выгорания, поддерживая свою жизнедеятельность инъекциями опиума. На нервной почве у него обострились болезни кишечника и почек, так что он был вынужден оставаться в Могилеве и днями лежать в кровати¹³⁷. С помощью наркотиков генерал снимал жуткие боли, мучавшие его грузное тело, но самое главное – таким образом он пытался уйти от гнетущих его душу воспоминаний, связанных с казнями евреев. В дневнике он признался, что был готов принять ампулу с ядом, чтобы не попасть в советский плен¹³⁸.

28 января 1942 г. у Баха началось сильное кишечное кровотечение. Он чувствовал постоянную усталость, которая, сочетаясь с физическими недугами, вызвала у него утрату душевного пыла и силы воли. Состояние Зелевского ухудшилось настолько, что Гиммлер срочно направил в Могилев личный самолет, чтобы немедленно эвакуировать больного в Берлин. О дневнике пришлось забыть на три месяца¹³⁹.

Зелевский не любил вспоминать период, проведенный им на больничной койке. В те дни произошло настоящее крушение его образа всемогущего человека. За годы службы в СС Бах привык позиционировать себя мужчиной, устойчивым к стрессам и нервным срывам. Во всех сложных ситуациях он старался сохранять жесткий каркас своей личности, отгораживаясь от внешних импульсов и помех. Несгиба-

емый образ мужественности привел его к отказу от чувствительности. Только твердость и внутренняя дисциплина являлись для него добродетелями. Но весь этот набор императивных поведенческих компонентов, воспринятых в «Черном ордене», в одночасье рухнул под давлением невроза, страхов и боли, переполнявшей его душу и тело.

Лечением Зелевского занимался имперский врач СС, группенфюрер Эрнст-Роберт Гравитц, информировавший Гиммлера о состоянии больного. 4 марта 1942 г. врач сообщил рейхсфюреру: «Обергруппенфюрер СС фон дем Бах голодал из-за своего геморроидального недуга, который беспокоил его в течение многих месяцев боевых действий на Востоке. Я уже неоднократно отмечал, что пациент пришел на лечение с большим опозданием и в состоянии тяжелого физического, нервного и психологического истощения, из-за чего процесс выздоровления проходит с большим трудом. Теперь, когда он физически чувствует себя лучше, его мучают определенные представления о неполноценности (чрезмерная чувствительность к боли, распушенность, отсутствие концентрации воли) и беспокойство о том, что ему вскоре вновь придется служить Вам, рейхсфюрер»¹⁴⁰.

Гравитц диагностировал у Баха острую форму внутреннего геморроя. Во время хирургического вмешательства, которое осуществлялось без анестезии, Зелевский оказался очень восприимчивым к боли и едва не скончался на операционном столе (о чем он позже написал в дневнике: «Я

пережил тяжелый кризис из-за плохого обращения врачей. Речь шла о жизни и смерти»¹⁴¹). Реабилитация проходила медленно. Гравитцу вновь пришлось взять в руки скальпель. При этом врач не побрезговал в деталях описать Гиммлеру, как удалял из организма генерала «затвердевший кал»¹⁴².

Но больше всего Гравитца волновало душевное состояние Баха. Под воздействием обезболивающих средств у больного появились галлюцинации в виде явления призраков замученных и расстрелянных людей. У Зелевского начались истерики и конфликты с медицинским персоналом госпиталя СС¹⁴³. На вопрос доктора о причине его поведения Бах пробурчал: «Чему тут удивляться? Разве вы не знаете, что происходит в России? Ведь там ликвидируют весь еврейский народ»¹⁴⁴. Гравитц подготовил на имя рейхсфюрера доклад, указав в нем на проблемы с психикой у высокопоставленного пациента¹⁴⁵.

Гиммлер был крайне недоволен подобными выходками и потребовал от врачей скорее поставить его подчиненного на ноги. С Бахом рейхсфюрер решил переговорить лично. Когда Зелевский, еще не до конца отошедший от опиума, обратился к нему с вопросом, нельзя ли положить конец всей этой дикой истории на Востоке, Гиммлер закричал на него: «Это приказ фюрера! Евреи – носители большевизма. Попробуйте только отдернуть свои пальчики от еврейского вопроса, тогда увидите, что будет с вами»¹⁴⁶.

Бах, очевидно, был очень смущен этим инцидентом. 31 марта 1942 г. Зелевский отправил Гиммлеру покаянное письмо. Осознавая свой проступок, генерал заверил шефа, что во время отпуска в санатории окончательно придет в себя, исправится и делом докажет в наступившем году, на что он способен¹⁴⁷.

IV. «Специалист по борьбе с бандами»

Готовясь к нападению на Советский Союз, военно-политическое руководство Третьего рейха учитывало возможность возникновения партизанской войны. Неслучайно для защиты коммуникаций действующей армии в составе вермахта были созданы охранные дивизии¹⁴⁸, личный состав которых еще до начала вторжения прошел специальные курсы по прочесыванию лесных районов и обороне железных дорог¹⁴⁹. Кроме того, немецкое командование успело к тому времени накопить определенный опыт в проведении операций против нерегулярных формирований, состоявших из бывших военнослужащих польской армии. В основном этот опыт был позитивный и свидетельствовал о большом потенциале вермахта и СС при выполнении контрпартизанских задач¹⁵⁰. Однако в целом в высших военных кругах господствовало убеждение о быстрой нейтрализации советских «народных мстителей», что было продиктовано концепцией «блицкрига», практически не учитывавшей возможность появления массового партизанского движения¹⁵¹.

При анализе приказов военного руководства нацистской Германии становится очевидно, что почти все они в той или иной степени были направлены на то, чтобы сразу же, путем

превентивных мер, уничтожить силы сопротивления в зародыше¹⁵². Понятие «партизан» при этом трактовалось довольно широко; под него попадал любой советский гражданин, нелояльный оккупационным властям¹⁵³.

Этот подход повлиял и на немецкую тактику борьбы с партизанами летом – осенью 1941 г. Она включала в себя одновременное использование небольших мобильных подразделений спецслужб, – которые проводили рейдовые военно-полицейские операции, оставляли на маршрутах небольшие отряды для поддержания локальной безопасности, – и войсковых соединений, нацеленных на очищение территорий и уничтожение лиц, представлявших потенциальную опасность для «нового порядка»¹⁵⁴.

Мероприятия немецких спецслужб, полицейских подразделений, охранных дивизий вермахта и соединений войск СС сводились к «акциям по прочесыванию местности» (Säuberungsaktionen) и «акциям по умиротворению» (Befriedungsaktionen), в ходе которых активно использовались карательные меры. При этом военная сторона операций нередко носила второстепенный характер. Борьба с партизанами часто подменялась уничтожением евреев, коммунистов и всех, кто вызывал подозрение. Неслучайно историк Х. Геер назвал указанный период «эскалацией террора», «охотой на гражданских лиц»¹⁵⁵, а исследователь Г.Г. Нольте – «партизанской войной без партизан»¹⁵⁶.

Кровавый вихрь, прошедший по тылам вермахта, не привел, однако, к полной ликвидации партизан, хотя потери «народных мстителей» на первом этапе войны можно оценить как чрезвычайно тяжелые, если не критические¹⁵⁷. Документы охранных войск, полиции безопасности и СД показывают, что со временем активность партизан возросла и стала вызывать опасения. Так, в отчете от 29 сентября 1941 г. командир айнзатцгруппы «А» В. Шталекер отмечал: «Деятельность партизан ни в коем случае нельзя сравнить с бесчинствами банд в кампаниях в Польше и на Западе. В то время как там речь шла о немногих подготовленных, частично внезапных акциях, Советы ввели в действие заранее подготовленную организацию с партизанскими группами»¹⁵⁸.

В тыловом районе группы армий «Центр» осенью 1941 г. охранным войскам пришлось проводить операции с привлечением больших сил. В сентябре 221-я охранная дивизия вместе с полицейским полком «Центр» вели бои против партизан, действовавших вдоль участка дороги Бобруйск – Кошевичи, 403-я охранная дивизия – в районе Витебск – Городок. Непрерывные акции севернее и южнее Минска осуществляла 707-я пехотная дивизия¹⁵⁹. В сентябре – октябре 1941 г. на территории Минской, Могилевской и Витебской области было проведено 15 операций против советских сил сопротивления.

За организацию и ведение борьбы с партизанами в тыло-

вом районе группы армий «Центр» отвечал генерал от инфантерии Макс фон Шенкендорф. Военный профессионал и теоретик антипартизанской войны, он придерживался стандартной технологии, основанной на применении геноцидной стратегии и тактики. Как замечает историк Э. Мейер-Дютингдорф, Шенкендорф «пользовался полной свободой от любых юридических обязательств. Категории войны и международного права были в значительной степени за пределами его воображения»¹⁶⁰.

Осенью 1941 г. Шенкендорф исходил из тех соображений, что карательные меры, вселяющие ужас во врага и население, позволяют освободить только определенную часть важных для вермахта районов. Остальную же территорию должны занять охранные войска. 14 сентября 1941 г. в приказе № 52 генерал подчеркивал: «Для более успешной борьбы с партизанами части дивизий охраны тыла расчленить вплоть до взводов и занять возможно большее число населенных пунктов»¹⁶¹.

Шенкендорф не без оснований считал, что если поставить под полный контроль ресурсы всех сел и деревень в зоне его ответственности, то партизаны окажутся в тяжелом положении. При сочетании этой тактики с ударами команд быстрого реагирования и мобильных групп, которые при необходимости могут запросить поддержку полицейских батальонов, появлялась возможность полного подавления сопротивления в отдельно взятом регионе. Боевое применение крупных сил

имело смысл только в тех случаях, когда в области действовали большие отряды¹⁶².

Многое из того, что Шенкендорф применял на практике, нашло отражение в наставлении ОКХ по борьбе с партизанами от 25 октября 1941 г.¹⁶³ В этом документе предлагался набор методов, необходимых для успешного противодействия народным мстителям. Шенкендорф, однако, скоро пришел к выводу, что допустил несколько ошибок. Распыление своих сил по деревням привело к утрате превосходства в количественном и качественном отношениях над противником. Проведение больших операций оказалось невозможным, поскольку боевые части охранных дивизий все чаще использовались на фронте. Попытки установить прочные контакты с местным населением не дали большого эффекта из-за террора и насилия со стороны немцев¹⁶⁴.

Тем не менее в приказе командующего охранными войсками от 16 декабря 1941 г. вновь говорилось о применении карательных мер: «Образовавшиеся в тылу пространства требуют того, чтобы борьба против партизан и всех сочувствующих им элементов велась как можно активнее. Жителей, которые симпатизируют или помогают партизанам, нужно уничтожать»¹⁶⁵.

В конце года генерал отправил в штаб группы армий «Центр» итоговый отчет, что на подконтрольной ему территории уничтожены 63 000 партизан, в то время как его незна-

чительные силы по поддержанию безопасности понесли минимальные потери¹⁶⁶.

Однако положение в тылу центрального участка Восточного фронта не улучшилось. Осознавая всю сложность обстановки, Шенкендорф приступил к подготовке программы по истреблению партизан. Для достижения поставленной цели он предлагал проводить работу по двум направлениям. Во-первых, вести активную пропаганду на местное население. Во-вторых, сосредоточить усилия на военном уничтожении партизан. В последнем случае немаловажное значение имела структурная реорганизация органов управления войск для наступательных действий, связанная с распределением боевых средств между охранными дивизиями. Важными считались и задачи по расширению службы порядка, формированию боевых частей из местных жителей, усилению системы оповещения и борьбе с «чужаками» в населенных пунктах¹⁶⁷.

Командующий также разработал новую схему крупной антипартизанской операции. Он объединил в рамках оперативно-войсковых мероприятий несколько важных элементов, предложив следующий алгоритм действий из четырех фаз: 1) сосредоточение войск и образование большого «котла»; 2) сужение кольца окружения; 3) очищение «котла» с помощью концентрического удара; 4) прочесывание местности в обратном направлении и осмотр района до второго исходного рубежа, в ходе которого внутренний район цели, включав-

ший в себя населенные пункты и местных жителей, подлежал ликвидации¹⁶⁸.

Шенкендорф предлагал использовать карательные меры в конце третьей – в начале четвертой фазы операции. Одновременно он потребовал полностью вывозить из района сельхозпродукцию. Реквизиции следовало проводить на самом последнем этапе, когда исчезнет потенциальная опасность нападений партизан и захваченные продукты можно будет беспрепятственно доставить на специальные пункты.

Словом, Шенкендорф сумел найти сбалансированную форму крупной операции. Эта схема включала в себя идеологический, экономический, военный и карательные элементы. При этом карательная функция находилась в рамках общей группы компонентов. По словам историка Л. Клинкхаммера, «резкий переход операции в акцию по убийству во все не был неизбежным»¹⁶⁹. Все зависело от командира. Поэтому данная модель оказалась удобной и востребованной. Представляя собой гибрид боевых действий, убийства лояльного советской власти местного населения и хозяйственных мероприятий, она явилась прототипом для последующих операций в захваченных областях Советского Союза.

Генерал Шенкендорф опробовал новую схему с 26 марта по 6 апреля 1942 г. во время операции «Бамберг» в районе Глуск – Паричи – Октябрьский, южнее Бобруйска. К операции привлекли 707-ю пехотную дивизию, 203-ю охранную бригаду, 102-й словацкий охранный полк и 315-й полицей-

ский батальон. В результате боевых действий удалось на время установить контроль над беспокойным районом. «Народные мстители» уклонились от прямых боев. Жертвами операции, прежде всего, стали гражданские лица, объявленные «партизанскими помощниками». В общей сложности военнослужащие вермахта и члены полиции порядка убили от 5 до 6 тысяч человек. Среди убитых также были 200 евреев и 650 человек, представленных в итоговом донесении партизанами. Войска захватили 5060 голов скота, 115 тонн зерна и 120 тонн картофеля¹⁷⁰.

Шенкендорф постоянно обсуждал меры по борьбе с партизанским движением с фон дем Бахом, сотрудниками его штаба и представителями полиции безопасности и СД¹⁷¹. Эти контакты ослабли в феврале 1942 г., когда Зелевский находился в госпитале¹⁷². Но уже в мае все вернулось на круги своя, и взаимодействие между СС и вермахтом усилилось.

Следует подчеркнуть, что Бах считал Шенкендорфа не просто своим начальником, а «близким другом и наставником»¹⁷³. Он жадно впитывал все, что говорил ему старый генерал, обладавший глубокими военными знаниями и опытом. Именно Шенкендорф посвятил Зелевского во все тонкости антипартизанской стратегии. Но самое главное он научил его тактике и оперативному искусству в рамках противодействия «малой войне». В своем дневнике Бах неоднократно возвращался к теме «борьбы с бандитами». Его вы-

воды отличаются большим благоразумием и дают основание предполагать, что многие мысли Зелевского являются фрагментами его дискуссий с Шенкендорфом. Например, 5 сентября 1941 г. Бах сделал запись: «Бой с партизанами требует от солдат и офицеров гораздо больше нервных сил, чем бой с регулярными войсками, хотя последний, как ни странно, ценится в вермахте значительно выше»¹⁷⁴

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.